

Надежда УСОЛЬЦЕВА

У ВОЙНЫ И ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Война всегда преследовала её. С самого сорок третьего, когда она увидела настоящий фронт. Видения войны мучительны. Она пыталась вытолкнуть из памяти этот безобразный образ, но ничего не получалось. Война приходила в её сны жутким окровавленным трупом солдата: без головы, без рук. Головы не было, но тем не менее она ясно видела и открытый чудовищный рот. Труп полз на неё, протягивая отсутствующие руки, и вот-вот готов был схватить её.

«А-а-а!» – дико кричала она и просыпалась в холодном поту. «Доченька, опять он?» – подбегала встревоженная мать. «Да, мама, опять», – всхлипывала Тамара, ну совсем как ребёнок.

Мать прижимала её голову к своей груди. «Ты бы, дочка, сожгла все бумаги, – советовала, – глядишь, сгинет эта нечисть...»

Вот тогда ещё, в первый послевоенный год, Тамара Павловна Голикова сожгла и военные фотографии, и все письма, и все остальное, так или иначе напоминающее о войне. Но от ужасов не избавилась. Они продолжали являться все в том же облике.

Какие они, девчонки сороковых? Кем они были для войны и в войне и чем война была для них? Из наивных девчонок война создала этаким гибридом семнадцати-восемнадцатилетних девочек-женщин, взваливших на свои хрупкие плечи все ужасы и тяжести военного лихолетья.

– Я вот так, бывало, поздно вечером выйду и начинаю на небе свою звёздочку искать, – рассказывала Тамара Павловна, – звёздочка-звёздочка, возьми, возьми мои мысли и маме передай, чтобы она знала о том, что я о ней сейчас думаю. Ведь в сказках это можно сделать... – Тамара Павловна улыбнулась: – Вот и судите, кто я тогда была: ребёнок или взрослая.

Она рассказывала о своей фронтовой жизни эпизоды, которые и запомниться могут лишь в этом возрасте, на что взрослые-то и внимания не обратили бы. Эта детская наивность восприятия сопровождала её всю войну, а куда денешься от возраста.

Ей до боли было жаль зря сорванных дынь, арбузов, винограда, которые ей совали солдаты в одну из станиц. «Зачем вы столько много срываете? – ахала она. – Ведь не съедите! Не обижайте хозяина...» «Ешь, кучерявая, – смеялись солдаты, – может, последний раз едим». А она робко отрывала несколько виноградных ягод и отдавала кисть обратно: «Мне хватит...».

Она, деревенская девчонка, из семьи, где ничего лишнего не было, и на войне продолжала оставаться экономной, не падкой до чужого. Что таить, трофеев многие нахватили, чеמודанами везли тряпки. А она всегда помнила наказ матери: «Чужого не бери. Увижу – руки отобью».

Потому так горько плакала над своей сгоревшей при бомбёжке машиной.

– Там и сорочка моя единственная осталась, и единственная пара белья, – вспоминает она.

Конечно, можно рассказывать, как она свой грузовичок водила по дорогам, как выходила из окружения. Но куда более интересен внутренний мир тех девчонок, которые на войну попали всяк по-своему: одни – добровольцами, другие – по официальному призыву, как и Тамара.

– Я вообще понятия не имела, что такое война, писала брату на фронт и спрашивала: «А что такое война?» «Эх, сестрёнка, – отвечал тот, – это страшный ад, которого ты себе представить не можешь».

Да, она не могла представить, что это такое, до тех самых пор, пока не увидела смерть. Даже тогда, когда впервые на передовую попала, она сразу ясно не ощутила, где она, что здесь происходит. «Вон танки», – показывают ей солдаты. «Где, где?» – «Да вон же, посмотри в бинокль».

– Смотрю, а по полю спичечные коробки едут. Всё было для меня открытием. Как-то увидела ствол пушки, похожий на лилию. «Что это?» – спрашиваю. – «А это прямое попадание...» «Вот, значит, что такое прямое попадание», – думаю. А однажды услышала, что рядом бой с власовцами прошёл. К комбату побежала: «Можно посмотреть, какие они?» – «Да какие, – смеется тот, – такие же, как и мы с тобой». А когда увидела сложенные штабелями трупы, бросилась в страхе обратно. Такие, да не такие.

Своими глазами она посмотрела на тех, кто Родину предал, и увидела в них страшное, жуткое человеческое отражение.

Ведь не боялась же она видеть смерть своих солдат. Только плакала долго и безутешно после каждого боя.

– Как-то в бой пошли шестьсот человек, а вернулись всего десять. Ох, как же я плакала!

А первую смерть она увидела тогда, когда танковый бой впервые наблюдала. В кузов её машины принесли молодого раненого лейтенанта.

– Он лежит, не шевелится, я испугалась, его обнимаю, плачу, целую: «Не умирай, миленький, не умирай». А мне кричат: «Воздух, воздух! Ложись!» А я только этот крик слышу, а смысл его не доходит. Я всё этого лейтенанта глажу по лицу, уговариваю: «Ну, миленький, не умирай». А он уже мёртвый.

Я бы сказала, что лицо у войны всякое: и мужское, и женское, и детское. Это общее лицо горя всех людей. И таких девчонок, как Тамара, втянутых в водоворот пылающей и рвущейся земли, водоворот стонов, невозполнимых потерь.

Их заедали вши, порой месяцами не мылись в бане. Пусть это грубо, но это было. И это было для женщин тяжелее стрельбы.

Но самым страшным стало то, что многие из этих тысяч фронтовых девчонок не стали матерями.

Тамаре Павловне повезло. Она вернулась домой, робко, будто тысячелетие не была здесь, поднялась на ступеньки материнского крыльца, и только тогда её тревога оставила. На душе стало спокойно, она вдыхала аромат сухого дерева родительского рубленого дома, как музыку, слушала скрип ступенек и упивалась тишиной мирной улицы. Наконец-то она была дома! Дома!

– Вот такого состояния никогда уже больше в жизни не испытывала, – говорила Тамара Павловна. – И не было больше в душе такого восторга, который испытала в Праге, накануне Победы. Прага ликовала. Улицы стали узкими от скопившихся пражан. Женщины целовали наших солдат. Дети обнимали им ноги. А сколько было цветов! Я в своей жизни их столько не видела. Нас вели домой, давали одежду, кормили, оставляли ночевать. Вот сейчас некоторые стараются утверждать, что не было такого. А я сама это видела, видела эту радость, мне самой руки люди целовали. Было такое, было!

Восторг этот всю жизнь сохранялся в душе фронтовички. Она только в последние годы рассказывала о своем военном прошлом. Бывало, в музее, где она работала дежурной, сотрудники просили её: «Проведи, Тамара Павловна, экскурсию для школьников, расскажи о войне».

Соглашалась, рассказывала, чтобы знали, что такое война, чем она стала для людей, что это самое страшное, что может быть в жизни. Что это такая беда, которая до самой смерти не оставляет человека, прошедшего войну, мучая память и терзая сердце.

